

В. Кучерявкин

ПТИЦЫ

*** *Quantum non milvis obserget*
(Сколько и коршуну не облететь)

Авл Персий Флакк, Сат. 1У, 5, 26.

1 Из всех, кто нам близок по крови, лишь птица, страстная хрица жизни, несет за пределы дня судьбу свою необычайную. Странница, солнечным ветром гонимая, летит она ночью — слишком короток день для ее беспокойного чуха. В сером, как галлов омела, лунном свечении призрак ее населяет пророчество ночи. И ночной ее крик — это крик самого рассвета, крик священной войны обнаженных клинков.

На весах ее крыльев безмерно качание ночи и дня, и под аркой полета — земли кривизна. Закон ее — чередование, двусмысленность — царство ее. В пространстве и времени, что порождает она единым полетом, свободный выбор ее — как в пустыне уход одиночного. Поэт и художник, что времена собирают в высшую точку одну, движими тем же пороком.

О аскетизме полета! Птица, сестра наша, более всех возлюбившая жизнь, тайно носит в себе жар высочайший крови. Ее красота — горенье, и это не символ, а биологический факт. Птичья плоть представляется нам такой невесомой: когда мы видим ее против солнца, нам кажется, птица вспыхнуть готова. В море, полтенью почужя, глаза человек понимает на святотатство: белая чайка, простертая в небе, как лепская кисть в пламени лампы, возносит в сиянии солнца белизну розовато-прозрачную гостини...

Сна крыло серповидное, вновь обретаешь ты нас этим вечером — и на иных берегах!

2 Старые натуралисты Франции своим поразительно точным и полным почтенья глубокого языком атрибутам крыла возводят что должно воззять — "стеблю", "бородкам", "флажкам" пера, "маховым" и "направляющим" перьям, "пятышкам" всем и "красинкам" взрослой птицы убора — свой восхищенный взор обратили к телу сознания этого, названному "территорией" птицы, будто оно — мельчайшая часть территории земли. И птица в прелести своей — земле и небу — теперь превратилась пред нами тем, что она есть: крошечным спутником на орбите нашей планеты.

В объеме и массе они изучали всю эту легкую архитектуру, созданную будто затем, чтоб полет был высок и полог: удлиненность, что вечно стремится форму принять членка, крепкую камеру сердца, поступную только потоку артериальной крови, и весь каркас, хранящий в себе тайную силу и оснащенный тончайшими мускулами. Босторг вызывала у них эта ваза, амфоре подобная вилом, столько гаится в ней тонкого, столько горячего; эта система "пневматики" птицы, что крови гонит поток, ускоряя горение, — все, включая и позвонки, и фаланги.

Птица, чьи пустотелые кости, чьи "воздушные полости" легче пушинки несут ее в совершенном полете, бросила вызов всем нормам аэродинамики. Студент, любопытный ребенок, вскрыв хоть отнажлы тело птицы, вскоре забудет строенье его, будто созданное для моря — так непринужденно все в нем повторяет устройство сущна: грунная клетка, как корпус в подводной части, где ребра встречаются с килем, масса kostистая носа, форштевень грудной кости, пояс плеча, куда вставлены весла крыльев, тазовый пояс, починый, словно корма...

Птицы, чья щолгая к человеку близость поставила их на самых галеких его рубежах... Вот они, почери пуха, всегда готовые к действию. Вот они, созданные для экстаза и пре-сознания; в них больше ночного, чем в ночи великой самой чистого сна, ночи человечьего рода, где царствует логика сна.

На преве вечнонарастающем огромного текста они созрели, как плод, нет, скорей, как слова с их плотью первичной и животворными соками. Средоточия силы и действия, источники молний, лучистой энергии, они и в самом деле, подобно словам, несут далеко все то, что было началом, предчувствием. На беспрецедельном белом листе пространство, что покрывают они, теперь уже больше, чем заклинание. Силлабика — ритм их. Ведя свой род, как слова, от отдалнейших предков, они, как и слова, теряют значение свое на пороге блаженства.

Когда-то они вместе с гарусником и авгуром участвовали в поэтическом действе. И вот они вновь, вocabулы, тем же законам сцепления покорные, служат далекому действу иной ворожбы... Когда клонилась к закату античная цивилизация, не птица ли из перева — крестовина в руках у жреца — стала посредником между землею и небом, как прежде в руках прорицателя и геоманта?

Птицы, рожденные первым трепетом голоса для того, чтобы стать длиннейшим речитативом... Как и слова, их несет космический ритм; как и слова, ложатся они в огромную странствующую строфу — такая еще никогда не представала пред нами.

О как блаженны они, когда от края до края огромного неба к нам простирают гигантскую арку окрашенных крыльев, что нас окружая объятьем, нам помочь несет и пусть пронесут среди нас достоинство сильного духа!

Как мельничный жернов на шее, бремя несет человек тяготы земного, и птица, как оперенье, украшает его чело. Но на конце незримой нити его судьбы - земной фатальности не избежит ни птица Брака, ни каменистая пыль геологии Сезанна.

13

Птицы, копья, попытые на рубежах человечества!

Крылья, мощные и спокойные, глаза, омытые влагой чистейшей - они идут перед нами туда, где в далеких морях открыты для нас Свободные Гавани и Негоциантов Тосма Вечного Леванта. Они - пилигримы дальних странствий, они - крестоносцы нетленного золотого века. Помимо - "крестоносцы", несущие крест своих крыльев... И есть ли такое море, чей блаженный простор знает согласье подобное крыльев и парусов?

Как все, что служит в этом мире, как все, что потоком уносится временем, они уходят туда, куда уходит кактая в мире птица - куда ведет их твари судьба... Они уходят туда, где взмывает гребень волны самого тщевания вещей, туда, где само колесо небес вращается - к той беспрецедентности жизни и созиания, что наполняет величественную шайскую ночь; и огибая множество мысов - больше, чем поминается в снах перед нами - мимо проходят они, оставляя нас в скане вещей, свободных и несвободных.

Собственной тени не зная, смерти не зная, кроме той, что расточает бессмертный вдалеком звучанье великих вод, они идут, оставляя нас позади - преображеных. Они - пространство, произнесеное одинокой мыслью.

Крыла лаконичность! О немота сильного... Безмолвны они, полет их высок в великой ночи человека. Когда же приходит рассвет, они опускаются к нам, чужестранцы, во все облаченные краски рассвета - от инея и до смолы - краски самой человеческой судьбы... И с этим свежим рассветом, как с истинно-чистым крещением, они оставляют нам нечто от грязи Творения.

Сильвия Плат

УТРЕННЯЯ ПЕСНЯ

Часам - пружина, тебе - любовь, чтобы жить.
Повивальная бабка по пяткам пошлепала - твой обнаженный
крик
Меж вещей и событий упрочился.

Эхом - возгласы наши, хвала твоему приходу. Новый идол,
Твоя нагота в сквозняков паутиной опутанном храме этом
Осеняет бессмертие наше. Вокруг мы стоим, безучастны, как
стены.

Я - мать тебе не более, чем
Облако, что истекает влагой на зеркала гладь, чтоб увищеть,
Как само оно тает на ветра ладони.

Мотылек твоего дыханья всю ночь
Средь унылых роз на обоях порхает. Я просыпаюсь:
Далекое море ропщет в ушах.

Чуть крик, и я ковыляю с постели - тяжелый телец и подобна
цветку
В старомодном ночном наряде.
Рот твой открытый пуст, как котенка зев. Поверхность окна,
Светлея, съедает неяркие звезды. Но вот
Бросаешь ты пригорюно воплей -
Взмывают прозрачных гласных шары.

ОВЦЫ В ТУМАНЕ

В белизну отступают холмы.
Разочарованные,
Люди и звезды за мной наблюдают с печалью.

Повозка, за нею - возуха шлейф, словно долгий вздох.
О как медленно тащится
Ржавая лошадь!

Под кашель копыт и плач колокольцев
Все утро
Темнеет и вянет утро -

Брошенный кем-то цветок.
Бредень костей моих ловит безмолвие,
И далекое поле расплавило сердце мое.

Оно угрожает
Меня в небеса зашвырнуть.
Ни звезд, ни отца в них - темные воды.

АННИНА - ЛАЗАРЬ

Еще раз я проделала все это.
Раз в пятьдесят лет
Я это делаю с успехом.

На чудо я холячее похожа:
Сияет абажур нацистской кожи,
Ступни -

Что пресс-папье,
А лиц мой - тонкий, без единой складки
Еврейский холст.

Сорви его с меня,
О враг мой,
Посмотри - не страшно? -

На этот нос, и зубы сосчитай, и в ямы загляни глазные.
Дыханье смрадной
Исчезнет скоро,

И скоро, скоро плоть моя,
Проглощенная пропастью могилы, будет
На мне опять сидеть, как щегольской костюм.

Я буду улыбаться снова.
Ведь только трицать мне. лягушка, словно кошка,
Я умирать должна десяток раз.

А это - только третий.
О этот хлам
Необходимо истреблять раз в десять лет, не реже -

Усталых клеток миллион-пругой.
Как в цирке, публика, грызя орехи,
Толкаясь тянет шеи - надо всем увидеть,

Как разлагаются они на мне от ног до головы:
Большой стриптиз!
О господа и дамы,

Вот руки,
Вот мои колени,
Вы скажете, что это на скелет натянутая кожа,

Поверьте, женщина пред вами та же.
Когда случилось это в первый раз, мне было пять.
То был несчастный случай.

Второй раз я решила: хватит,
Обратно я вернусь едва ли,
И в раковине смерти затворилась,

Как устрица.
Меня все звали, звали,
Из язв моих червей блестящих извлекая, словно жемчуг.

О смерть -
Великое искусство, как, впрочем, все на свете.
Я управляюсь с ней, как с кашей манной лепи,

Я управляюсь с ней, как с грешниками черти,
И смерть моя не отличить от смерти -
Талант такой бывает раз в тысячелетье.

Нетрудно это совершить в подвале.
Нетрудно сделать это и остаться мертвым.
Но выглядит, пожалуй, театрально -

Вернуться в этот мир в разгаре дня
На то же место и услышать - те же морды
Визжат от радости все то же:

"Чудо!" -
Сбивая криком с ног меня.
И есть уже цена у них на все:

Заглядывать мне в шрамы
И слушать сердце -
Неужели бьется?

И есть цена, немалая цена
На слово каждое, прикосновенье
И крови порцию,

На клок волос или обрывок платья.
Итак, Герр Эскулап,
Итак, Герр Враг,

Я - опус твой, ..
Твое бесценнное читя
Из золота высокой пробы,

Гляди, как плавлюсь я от визга,
Пылая и вертесь,
О, я ценю твое вниманье не шутя.

Все пепел, пепел...
Вороши и тыкай стеком,
Кусочки мяса в нем и кости, что еще?

Не мыла ли брикет,
Венчальное кольцо,
А, может, пломба золотая?

О Герр Господь, Герр Люцифер,
Страхись,
Страхись,

Из пепла скоро я,
Красноволосая, воспрянув,
Людей жевать, глотая, словно воздух, стану.

ПОРЕЗ

О трепет! -
Вместо луковицы - палец.
И кончик пальца отскочил,
Повис, как на шарнире,
На коже лоскуте.
Подобен крышке чайника он, шляпе,
И белен, как мертвец,
На красном бархате лежащий.

О белый пилигрим!
Содрали красокожие твой скальп,
О, как сережки у твоей индейки, красный
Ковер из крови стелется под ноги

Из сердца твоего.
Ступаю на него я безучастно,
Закав тебя, как горлышко бутылки
С шампанским розовым, фонтаном бьющим.

И празднику подобно это!
Или еще: сквозь брешь
Вперед рванулись тысячи солдат,
В мундире алом каждый, и куда

Бегут они, кто враг их?
О человечек мой,
Больна я,
Пилюля, как шрапнель шальная

Вошла в меня, чтобы убить, убить,
О Боже, это чувство, что бумаги тоньше.
Похож на диверсанта ты,
Ты - камикадзе безнадежный,

Багровые цветы
На белых распускаются одеждах
Твоих, о куклуксклановец, о грязная старуха,
Темнеют и тускнеют, и когда,

Вся скавшись,
Мякоть сердца твоего
Пробит на мелкие осколки
Тишину,

Как пергаешься грубо,
О с черепом разбитым ветеран,
О женщина в дни очищенья,
О ты, обрубок.

ОКТЯБРЬСКИЕ МАКИ

Таких одеяний не могут позволить себе ни облака этим утром,
Ни женщина та в санитарной машине,
Чье сердце цветет под пальто таким изумительным цветом.

Дар, дар любви,
Нисколько не нужной
Ни небу,

Где в пламени бледном
Пылает угарный газ, ни этим гляделкам,
Что тупо глядят на меня из-под котелка.

О Боже, что ж тогда я,
Если эти так поздно отверстые губы кричат
В заминированным лесу в васильковое утро.

ПЛЯЖ В БЕРКЕ

Вот оно, море, великая, вечная зыбь.
Здесь солнца горячие руки сгорают в горячке моей,
Здесь яркие, как реклама, шари мороженого
Плынут по воздуху в опаленных ружах темных, как золото
женщин.

Безмятежно море, будто что-то скрывает.
Легка, как улыбка его, я бдуждаю по пляжу,
И упругая мякоть песка сердца упари смягчает.
Узок, как нож, этот пляж, и голоса, съеживаясь,

На лезвии его извиваются, словно обрубки червей:
Глянешь на лысый череп воды, и ошпаренный взгляд
Отскочит резиной натянутой - выжмет глаз.
Что же странного в том, что волны надели клобуки?
Что странного в том, что на них развеиваются черные рясы?
Вот одна из них настигает тех святотатцев,
Что воруют из храма морского добро его: камни, янтарь и
ракушки.
Обращенные в бегство, к телу они прижимают награбленное,
И море, чья плоть веками все это рожала,
Ползет на коленях назад с горестным шипом змеиным.

II

Этот черный башмак безжалостен к нам.
И зачем ему жалость, ему, гробу мертвой ноги,
Высокой, мертвой, без пальцев ноги священника этого,
Что меряет взглядом колодец книги своей,
Где арабские буквы пляшут пред ним, как живые картины.
Непристойные, в складках щеска укрылись бикини -
Груди, бедра в сахарной пурпуре
Мельчайших кристаллов, блеском щекочущих солнце.
И зеленая заводь глаз приоткрыла,
Тошнит ее от всего, что поглотила она:
Отражения, визги, тела. За бетонной стеной
Двое влюбленных едва оторвались один от другого.
О посудина белая моря,
О чаши долные - взлохи, соленое горло...
И взгляд твой трохящий
Влачится, как плининая ткань,
Сквозь застывшую злость
И заросли водорослей, пушистых, как срам.

III

На балконах отеля сверкают предметы,
Предметы, предметы.
Инвалидные кресла из трубок стальных, жестяни...
Соленый ветер так свеж здесь, зачем ходить
За волнолом, пестрый от пятен налипших ракушек?
Я не сестра милосердия, чистая и внимательная,
На моем лице непристойна улыбка.
Эти дети охотятся там: крючья и крики, ..
Сердце пущу на бинты - и не хватит его для их злодействий.
Бок человека: красные ребра,
Нерви, как корни деревьев... А это - хирург:
Зеркальный глаз -
Условие знанья любого.
За стенкой на полосатом матрасе

Умирает старик,
А жена его льет бесполезные слезы.
Застыли карбункулы тусклые глаз.
Хладеет язык, темно-синий, как пепел.

1 y

y

Серое небо угрюмо. Вдали убегают холмы,
Как зеленые моря волны. Где-то там меж ними
Пляшут мысли женщины этой -
Крепкий, надежный корабль,
Полный платьев, шляп и фарфора, и дочерей, и зятьев.
В гостиной кирпичного дома
У рамы открытой штора мерцает,
Мерцает, плавает одинокой свечой.
Это мертвых вечная речь: помни, помни.
Так далеко он теперь со своими челями,
Что окружают его, как мебель хозяина дома.
И бледность густеет -
Бледнеют руки, лица соседей, -
Ирисов бледность ликует летящих куда-то.
Все они улетают в ничто: помни о нас.
Пустые скамьи поминальные, возле надгробных камней
На синие мрамора вены глядят и нарциссы в стеклянных вазах,
Так красиво кругом. Не отпускает меня это место.

У1

О как жирны листья лип!
Полстригши коротко кроны, перевьяд тянутся в церковь,
Голос священника в воздухе редком
Приветствует труп у ворот,
Обращаясь только к нему. Вторят холмы колокольни рыданьям,
В сиянье пшеницы облачены.
Как назвать этот цвет? -
Дряхлую кровь спекшихся стен солнце целит,..
Дряхлую кровь веток на пнях, обгорелых сердец.
Вдова с черной сумочкой и тремя чочерьми -
Где же быть им, если не там, где цветы? -
Сложила в складки лицо, как старую скатерть,
Чтобы больше ее никогда не расправить.
Небо, где ползают черви ульбок рассеянных,
Шлет за облаком облако.
И цветы на цевесте свежесть точат,
И невеста - пуша -
В безмятежных сферах, жених же ал и забывчив, и лицо его ~~шем~~
темен.

УП

Там, за стеклом автомобиля,
Погруженный в себя, мурлыкает что-то мир.
В черном платье, тиха, я - одна из немногих,
Кто плавно скользит на скорости малой за катафалком.
Священник - корабль
С просмоленным корпусом. Понуро и скорбно
За гробом он движется, как за красавицей в экипаже, полном
цветов.
Грудей волна, век раскрытых и губ
О вершину холма разбивается.
И из закрытого воронка лети
Вдыхают запах расплавленной ваксы,
Их лица безмолвно и безучастно глядят -
Глаза широко открыты -
За удивительными вещами:
Шесть черных круглых шляп на траве, деревянная призма
И грубо разинутый красный зев.
Минуту целую плазма небес низвергается в яму.
Надеяться больше не на что, кончено все.

АРИЭЛЬ

Покой темноты.
За ним бесплотный, синий
Поток скалистых холмов и далей.

Львица Господня,
Как сливаемся мы
Осями колен и суставов! — И борозды

Разлом рвется назад — брат
Змее коричневой шеи,
Скользящей в руках,

И глаза негритянские ягод
Раскинули темные
Крючья

Теней — ..
Черной, сладкой крови глотки.
Что-то еще ..

Тащит сквозь воздух,
Бедра, волосы;
Хлопья с пят.

Белотела,
Годива, швыряю прочь
Одежды мертвые рук, мертвые спицы.

Теперь я, ..
Как пена над морем, лечу над пшеницей,
Крик моего ребенка ..

Плавится в стенах где-то,
А я — ..
Стрелой,

Я — росой взлетаю
В самоубийственном пьяном порыве
В алое око —

Утра кипящий котел.

ПАРАЛИТИК

Такие дела. Что пальше?
Мозги мои — камень,
Ни пальцев — хватать, ни языка,
Что до бога — железных легких рука

Возлюбила меня и качает

Два моих
Пропыленных мешка
И не дает мне

Совсем развалиться на части,
Пока за окном пребездит кинолента дня.
А ночь на глаза
Лиловые нацвигает заслонки,

Приводит огни,
Чьи неизвестно тихие ..
Шепоты: "Все, мол, в порядке?"
И жесткий крахмальный панцирь.

Тухлым яйцом лежу,
Круглый,
На круглой вселенной, до которой уже не дотянуться,
И к белой, натянутой,

Как барабан, постели куцей
Идут с визитами старые foto:
Жена, неживая и плоская, 20-х годов меха,
Во рту жемчуга,

Девочки две на тонких ногах,
Такие же плоские; шепчут они мне: "Папа",
И влаги медленной капли
Текут по губам,

В глаза и в нос мне, и в уши,
Пленкой прозрачной
Душат - не разорвать ее мне
На голой леке спине.

Я улыбаюсь, как будда, и все
Желания, страсти
Спадают с меня, как кольца
Золотые с иссохших пальцев.

Когтистая лапа
Магнолии,
Пьяной своим ароматом,
Ничего не просит от жизни.

ИЮЛЬСКИЕ МАКИ

Маки-малышки, адских огней язычки,
Вы не жжетесь?

Мерцаете вы. Я не могу коснуться,
Я погружаю ладони в пламя - они не горят.

Сил нет глядеть мне на то,
Как дрожите вы - алые губы в трещинках тонких,
Губы, покрытые кровью.
Кровавые летские платьища!

Есть запахи - к ним прикасаться нельзя мне.
Яды где, где тошнотворные ваши сосуды?

О если б и я кровоточить могла! Или в сон провалиться!
Если бы с ранами этими губы мои сочетаться могли!

Или влага бы ваша в стакан протекла для меня,
Дурманом покоя,

Сама же бесцветна. Бесцветна.

СЛОВА

Лес
Топоры,
Лес звенит под ударами их,
И эхо!
Эхо скачет
От корней табунами коней.

Море,
Брызгет, как слезы, она,
Как сколки скакою разбитого вдребезги моря -
Снова и снова сливаются в целую гладь
Они над скалой,

Что вращается, тонет,
Белая лопасть
С косматой зеленою гривой.
Годы спустя
Натолкнулась на них я в пути.

Слова, без всадников тощие кони,
Бес устали цокот копыт.
И все это время —
Безлонные воды у них под ногами. Оттуда
Недвижные звезды жизнью правят.
